

Владимир Николаевич Хрулёв

Туритопсис нутрикула

Медуза

Владимир Хрулёв

Туритопсис нутрикула. Медуза

«Издательские решения»

Хрулёв В.

Туритопсис нутрикула. Медуза / В. Хрулёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834392-6

Жизнь в России кроме всего прочего требует памфлета. Извините меня, читатель, что мой недостаточно остр — ведь я не профессионал, патриот ли — не знаю, но я, как и Президент, люблю свою Россию. Это критика необходима как свежий воздух, как стакан воды. Читайте.

ISBN 978-5-44-834392-6

© Хрулёв В.
© Издательские решения

Содержание

1	7
2	12
3	15
4	16
5	18
6	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Туритопсис нутрикула

Медуза

Владимир Николаевич Хрулёв

© Владимир Николаевич Хрулёв, 2016

ISBN 978-5-4483-4392-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Уж как мы ль, друзья, люди русские!

Весь субботний день в банях паримся,
Всякий божий день жирны щи едим,
Жирны щи едим, гречиевку лопаем,
«Путинку» кваском родным запиваючи,
Мать святую Русь поминаючи,
Да любовью к ней похваляючись,
Да всё русскими называючись.
И как нас то все бранят попусту,
Что ничего то мы и не делаем,
Только свет коптим, прохлаждаемся,
Только пьём – едим, похмеляемся.
Ах, и вам ли, люди добрые, Нас корить – бранить, стыдно б, совестно:
Мы б работали, да хотенья нет;
Дело плёвое, да труда бежим!
Мы труда бежим, на печи лежим,
Ходим в мурmolках, да про Русь кричим,
Всё про Русь кричим – вишь до охрипу. Так ещё ль, друзья, мы
не русские?!

(пьяная народная песня)

Чудище это – обло, огромно, озорно, стозевно и лайя.
(А. Радищев)

Если вы войдёте в любую псарню, хоть в приют для бездомных собак в городе Москве, то услышите не только радостное повизгивание, но и в большей части просто лай, и далеко недружелюбное рычание, и жалобный и в противоположной же степени угрожающий собачий вой. Да, мы услышим много угрожающих собачьих звуков, если прислушаемся к московским звукам из какого бы источника они не исходили, хоть от беззвучной тающей медузы с бесцветными глазами на морском пляже под жарким солнцем Бочарова Ручья. Прислушайтесь.

(Это всё в мыслях автора)

Человек с древних времен мечтал о бессмертии.

Но! Казалось бы, вечная жизнь на планете невозможна, поскольку процесс старения живых организмов необратим. Но в XIX веке зоолог Фернандо Боэро обнаружил нечто, что впоследствии перевернуло с ног на голову все представления об эволюции.

Некоторое время ученый проводил обычные опыты над морскими животными в аквариуме. В нем также были небольшие, ничем не привлекавшие к себе внимание медузы *Turritopsis*

nutricula (нутрикула). Их размеры не превышают 5 мм. И учёный установил, что Туритопсис нутрикула бессмертна. То есть она живёт сколько угодно долго! Вот это да! – ужаснётесь вы этой новости. – Значит... А то и значит...

1

«Наш народ, как дети, которые за азбуку не примутся, пока приневолены не будут, которым сперва досадно кажется, а как выучатся, то благодарят, – что ясно из всех нынешних дел: не всё ли невольно сделано? и уже благодарение слышится за многое, от чего и плод произошёл. Не приняв горького, не видать и сладкого...».

Дмитрий Сергеевич Мережковский такие слова произнёс устами Петра со страниц своего романа «Пётр и Алексей». Ясно, что правильные слова, не возразишь. И возражать не найти причин и оснований. Только: не мои слова, я ими начал свой роман, заимствовав у Дмитрия Сергеевича и они заплутались в 489 страницах – не найти. Зато у меня на первой странице – я их просто сохранил и окрылил памятью. Да ещё нашлось и пофилософствовать малость.

Довольно понятно излагались предшественники далеко ушедшей от нас власти, не так ли?

А если будучи не приневолены к «азбуке», «нашему народу, как детям» предложат какойнибудь «правовой нигилизм» в праве, а то и вовсе «аморальный интернационал» в политике. Думайте и восхищайтесь над предложенным и не говорите, что власть не умна. И найдутся не вскорости, а тут же и в миг, кто возьмётся объяснять, что такое «аморальный интернационал», или «аморальный консерватизм», а про «правовой нигилизм» и не упомянут сами, забыли, что был такой у наших властительных прохиндеев, наших лицемеров и фарисеев, которых не сосчитать. Например, где он, а многие точно забыли и не только не припомнят, но и не признаются в этом «правовом нигилизме» – нет, с этим их никто не знакомил. И мы сделаем вид, что поверили – не было такого, что бы эту бестолковую мысль нам кто то вколачивал осторожно в головы или втирали через доверчивые уши. Но уже забыли этот позор. Да и было ли это позорно? Нисколько! То же произойдёт и с «аморальным интернационалом». Все вместе и забудем.

Аркадий Вадимович Дворковец любил гулять по ночному городу. В эту пору город не отпускал от себя тепло и оно пахло узнаваемо в прохладной ночи. Весна прошла с холодными ночами, а к середине лета всё превратилось в пекло и ночь не давала отдохновения. И эта ночь была прохладная и светлая своим небом – она так начиналась. Но уже к полуночи появились низкие гроззовые облака и застлали собой быстро всё небо и ночь превратилась в сплошной сумрак с мёртвой тишиной. Со всех сторон подкрались гроззовые облака, быстрые, но безмолвные – словно солдаты в окопной грязи бросились в последний бой в отчаянии, без ожесточённого крика, смиренно идя на смерть. Но вдруг стал различим далёкий ворчливый гром, словно звук пролетевшего самолёта высоко в небе из воющего Донбасса и далеко в стороне. Неожиданно стали вспыхивать ярким светом молнии, словно в ночной город вошёл ужас войны или становления земли и вот — вот воздух будет напитан серой и порохов. И при каждой вспышке молнии высвечивалась площадь, брусчатка, красная кирпичная стена, грани Мавзолея, ёлки, своими вершинками напоминающие маленькие крестики. Не успел свет молнии сомкнуться в темноту, как новая молния высветила ширь реки и по обе её стороны две набережные – Софийская и Кремлёвская и обе безлюдны в ночи под тяжестью двух мостов – Москворецкого и Большого Каменного.

«Это не значит, что став его верным другом однажды, он остался им навсегда». – фраза эта, где то услышанная недавно, постоянно вертелась в голове, наверное, потому, что Аркадий Вадимович сейчас осознавал измену, которая постигла его в мыслях.

И он пошёл по скользкой брусчатке по пустынной площади. Кругом никого. Ни друзей, ни врагов. Ни друзей Кем бы можно дорожить и за кого можно бы поболеть в беде и быть обеспокоенным его судьбой. Нет человека, как Жванецкий имеет Романа Карцева, который может запросто спросить его: как твоё здоровье? Как поживаешь? Или как твои дела? А получив ответ ободрить давнего товарища: Смотри, держись, не сдавайся напастям. Я люблю тебя, мой друг, обнимаю и целую и помню о тебе всегда. А если попросит помощи, то не откажет.

Нет у Аркадия Вадимовича таких людей. Среди партийцев? – какие они друзья, если едут на инаугурацию по пустой Москве и ни одного человека их не приветствуют и они никого не приветствуют – людей просто нет, их не хотят видеть «высокопоставленные», а сами то они обрыдли, кажется, всему белому свету и в Большом Кремлёвском Дворце инаугурируют, как онанируют, в окружении развращённой властью публики. Но и они по отношению друг к другу не могут сердечно и заинтересованно поинтересоваться: Как живёшь? Как здоровье? Как жена? Как дети? Словно не русские.

Не могут! У них семейный развод какой то не человеческий, не по-русски – жена не публичная. Не по-русски! Не по-христиански! Потому что жена не публичная. Жена всегда должна быть публичной, какая бы не была – эту традицию последних времён властитель проигнорировал. А было в чём дело? Жена Людмила больше не соблазняла в постели, а вот эта, молодая и чемпионка, раздвигала ноги соблазнительно и соприкасалась нижней частью тела до его напрягших чресел до невыносимой боли – и не стерпел, развёлся, глупо улыбаясь, как улыбаются люди, уличённые в срамном грехе.

И его проезд на коронацию должен происходить при скоплении радостного и счастливого народа, а не мышью спастись к сытым – пресытым котам, готовым промурлыкать тебе сладкие успокоительные речи.

– Как здоровье? Чем помочь, благоверная? – не выговорят. Только одно с вымученной улыбкой на глупом лице: Мы приняли решение совместно, обоюдно, мы разводимся. Вроде как, восхищайтесь нашим разводом. Впрочем это к президентству не относится и мы не вправе влезать в его частную жизнь. Но заговорили с базарным интересом.

И заговорили повсеместно. Как раз о том, на что рассчитывали: О чемпионке, значит об изменах, значит о настоящем русском мужике. Им так видится развод после разговоров о странной жизни жены. Или это простое и глупое, мальчишеское подражание Петру Алексеевичу?

Значит он не муж Людмиле Александровне. Бывшая жена – и всё.

Трудно представить, но представьте. Кремлёвская набережная. Кремлёвская стена вдоль набережной. На стене среди её зубцов иногда показывается солдат, постовой на стене, если это пост, а если нет поста на стене, то солдат этот вроде дозорного за передвижением татарской конницы, подступившей к Москве, или за действиями поляков, донских казаков и отечественных толп грабителей во времена Смуты. Но в том то и дело.

Но в том то и дело, что на стене нет дозорного и что под стенами Кремля творится, можно только догадываться. А творится всякое со времён Московского Фестиваля 1957 года. Не будем напоминать.

Так вот дозорный на стене не видел ничего, поскольку его там не было.

Как Аркадий Вадимович в полночь спускался к Москворецкому мосту по Васильевскому спуску.

Как ещё с Манежной площади, потом поднимаясь по Кремлёвскому проезду, за Аркадием Вадимовичем кралась иномарка чёрного цвета.

Как эта чёрная иномарка от Ильинки, или от Лобного места газанула почти с места и под визг всего существа японской или немецкой машины – неважно, полетела искать неминуемой встречи с тем, на кого был указан перст судьбы.

Иномарка была ещё далеко позади. Аркадий Вадимович задумчиво размышлял.

Нет политической воли. А откуда ей взяться, если страну застило ложью, воровством, чванством власти, непрофессионализмом. И всего этого в чудовищных масштабах. И нет политической воли бороться с этим. Всё это означает, что изменение политической ситуации, только это, реально освободит место, простор или как то по другому, если хотите, назвать смену политического руководства, то вот тогда и может появиться та «политическая воля» борьбы с коррупцией, о которой бредят все, но только не они, политические наши руководители. Только тогда.

Вот тогда это означает раскрепощённую в соответствии с законом работу прокуратуры, МВД, судов, ФСБ, Государственной Думы и найдутся люди способные для этой работы. Но этой позорной власти в России быть не должно.

Что то отвлекло от размышлений. Аркадий Вадимович шёл уже по мосту. Заслышав рёв автомобильного мотора он повернулся и увидел совсем рядом ревущую машину и в голове пронеслась вихрем мысль о сообщении телевидения о непризнании Россией решений Страсбургского суда, если они не будут основаны на Конституции Российской Федерации. И ещё он успел уловить запах бензина. И больше ничего. Эта были последние его мысли. Свидетелей этому не было по обе стороны моста, ни на набережных реки.

– Постой, погоди ка с решением Страсбургского суда, – Одёрнул себя ещё не убитый Аркадий Вадимович, – Решение международного суда может признаваться в России, если оно основано на Конституции Российской Федерации? Это я слышал только что с экрана телевизора из уст любимой дикторши Екатерины Андреевой? А в утренних новостях это повторяют? Или скороговоркой сказанное останется не повторенным и как бы скрытым в эфире, на всей территории, во всех кабинетах, во всех залах заседаний и, понятно, что забытым в студиях телевидения, где такое обсуждаться просто не может. Это, не самое важное из раздумий Аркадия Вадимовича, было последним.

Труп обнаружили среди ночи, когда подгулявшие в «Балчуге» разъезжались по своим норам до следующего празднества завтра или точнее сегодня, но не так рано. Эти как раз и не дрогнули сердцем. Хорошо на мост въехала поливальная машина. Водитель быстро вызвал полицию по мобильнику и полиция примчалась, а как не примчаться, когда чуть ли не под стенами Кремля в радиусе 200 -300 метров валяется хорошо одетый и ухоженный труп человека.

– Наступление острой сердечной недостаточности исключается. – сказал старший из полицейских. – Надо бы отвезти в морг сейчас же.

– Надо бы смерть зафиксировать сначала. – не смело возразил молодой.

– Вот и пиши протокол. Да карманы посмотри, личность нужно установить, то есть паспорт нужен в первую очередь, а уж потом всё остальное. Ушибы, переломы, иные травмы, алкогольный запах и прочее.

– Мне всё равно. – пожал плечами молодой, закурил сигарету и полез по карманам погибшего явно в ДТП. – Запах? Да, угадывается крепкий запах алкоголя.

Но тут где то невдалеке, не дальше Василия Блаженного, завизжала, заулькала, завывала синеглазо – красноглазая сирена. Кто то ещё спешил на происшествие.

Кроме этого сигнального звука, спешащего так, что бы не опоздать на случившееся на Москворецком мосту, ничего не звучало и было тихо и даже выглядело пристойно до самых бастионных стен Кремля и, напротив, Софийская набережная очерчивала огнями границу света от Замоскворечья, над которым надвинулась тревожащая душу тьма. И всё это пространство было пропитано ночной тишиной. Стихли сигнальные звуки. И уже никто никуда не спешил.

Молодой полицейский задумчиво смотрел на труп и словно в задумчивости сказал:

– Душа то христианская, всё таки не умрёт, если с богом была дружна. Воскреснет в своё время. Старший откашлялся от табачного дыма сигареты, оглушительно схаркнул на уже мокрый асфальт и заметил, не обращая внимания на тихо подкатившую иномарку:

– Жизнь кончилась вместе с душой. Душа не воскреснет, она не воскресает – это закон.

Трое вышли из иномарки, это был «Мерседес», оставив водителя за рулём. Конечно, это были люди с Лубянки, отличимые от всех и от всего люди, опрятные, аккуратно подстриженные и чисто выбритые, пахнувшие дорогим коньяком со времён середины прошлого века. Им интересно быть сотрудниками своей «конторы», как они называли промеж себя свою организацию, и распространили свою кликуху на окрестные ведомства, нисколько не заботясь о впечатлениях, тянувшихся за этими серыми мышами – ещё раньше, чем прилип к ним коньячный запах – так это с начала прошлого века.

Трое вышли из иномарки. Как трое вышли из леса, не блуждая в лесу, а сознательно проживая в нём годы, прячась в тени деревьев от солнечных лучей и в дуплах дубов, от проливных дождей.

– Не буду с тобой шутить, – сказал старший из «конторы», обращаясь к старшему из полиции, – нельзя силы тратить попусту. Поэтому просто скажем, человека этого, который несомненно труп, мы забираем от вас без лишних слов, без актов приёма-передачи и другого какого – либо словоблудия. Одним словом, без объяснений. Ясно, коллеги?

– Чего тут не ясного. – ответил старший из полиции. И пожал плечами. – А труповозку вызвали?

– Вызвали.

Полицейским, как всегда в подобных случаях, дали понять, что этот труп не их дело и о нём должно им забыть. Впрочем. смерть этого человека на Москворецком мосту из другого моего романа. Она притязательна для меня тем, что каким то образом мной была предугадана смерть Бориса Ефимовича Немцова

А между тем, в дали от Москвы в периферийных районах России и в близких к Москве городах, независимо от происшествия на Москворецком мосту, в умах людей взвешивалась тревога и носилось по умам что то тревожное. Оттуда все смотрели на Москву, а Москва показывала себя в той роли, которую столица играла. Устоявшиеся фигуры власти устояли и даже не покачнулись, а толпа застыла в нерешительности и не знала что ей делать, когда власть не призналась, просто намекнула, что ей стало известно о своих просчётах и будет их исправлять цивилизованным путём, но не уступками требованиям, доносившимися с площадей и улиц. А сама, по собственной своей воле, по собственному разумению, по собственному желанию помочь людям в их не лёгкой жизни.

Люди снова, как бывало, засели по кухням, вздыхать и скрипеть зубами, вместо сказок о реформах хотят не сказочных реформ, а чего то другого. А, между прочим, что это такое, помилование Президентом Ходарковского,ждавший от олигарха прощения о помиловании и почему Президент не миловал его без прощения. Наверное тому было в темнице очень комфортно – так думал Президент что ли? Но Ходарковский умеет себя подать не слабее Президента. Говорят, как только его разбудили ночью на нарах, он не помчался в Кремль благодарить Президента за помилование, то есть за предоставление ему свободы. Глазом не могли моргнуть наблюдатели за происходящим, а он уже в Германии благодарит Геншера за проявленные им и Германией участие в его судьбе. А Россия в спешном порядке снабдила Ходорковского паспортом и выездными документами. Наверное считает этот шаг своеобразной высылкой из страны в надежде, что Ходорковский больше не возвратится, поняв своё положение.

Непознанная эта страна Россия до сих пор. И потому неведомая многим и в не последнюю очередь неведома и непознана она нами, из числа русских людей, и в не последнюю очередь из числа властвующих. Не ведают что творят, ей богу. А расчёт то был один – всё это должно

выглядеть как выдворение из страны, о чём говорит спешная выдача паспорта. А вообще то действия бывшего директора ФСБ понять трудно. А наверное так хотелось оригинальности своих действий и ожидал от олигарха иных действий: вот явится под стены Кремля и попросит приёма, что бы попрощаться и поблагодарить за помилование. Только не рассчитал Президент, что найдутся люди в России, пусть из олигархов, которые отважатся пренебречь свиданием с ним и словами благодарности за предоставленную свободу в его адрес. Этих слов Президент как ни ждал – не получил. Но ведь опять случавит, если спросить: а Вы, господин Президент, ждали от олигарха слов благодарности?

2

Начал писать снова, но ведь не хотел. Просится высказаться какими то словами душа, а мне не хватает чего то, может слов, может других слов, может нерва в словах, может другого нерва. Или напряжения и действия. Не могу найти.

Надо признать, что в мире был установлен американский миропорядок, поскольку экономика США главенствовала в мире и она определяла свою политику, что естественно. Советский Союз был слаб против экономики США, но занимал достойное место рядом. Но вот сейчас Россия захотела установить свой миропорядок, не признаваясь открыто, что это будет миропорядок по-русски.

А что мы видим и слышим сегодня. Наш союзник Турция помидорами не отделается, долго будет помнить месть России за сбитый самолёт. Странно всё это. Влезла в военный конфликт и будет мстить ещё и за убитых российских солдат. Более. чем странно. Так война идёт на сирийском фронте? Или наши самолёты там бомбят объекты и кто то даёт гарантию бомбить без потерь? Сам же наш Президент говорит нам, что войны без потерь не бывает. Помните, читатель, о потерях в Донбассе? Но тут, в случае с погибшим российским лётчиком,

Россия мстить будет персонально за погибшего лётчика. Не правда ли, как он похож на... не скажу и не намекну даже. Не логичен он, если говорить лояльно и по доброму. Так вот, читатель. Перед вами книга, написанная мной на основе моих же записей на блоге, подаренном мне одним из издателей. Всё очень просто. Я не напрягался в воспоминаниях, я записывал свои мысли вслед за событием или где то рядом находясь, например в новостных программах телевидения, когда кортеж с Президентом направлялся на инаугурацию в Большой Кремлёвский дворец по совершенно пустым улицам Москвы, когда рейтинг его достигал небывалых величин. И странно, и вопросительно было, и обидно видеть это, А где восторженные толпы обожателей? Где этот плебс, который голосовал за него, любимого. Где члены партии «Единая Россия» и где его Народный фронт? Наконец, где все эти наши уличные зеваки, мечтающие в живую увидеть проезд императора на коронацию. Их никого нет, по причине мне не нужной знать, не хочу. Но в данном случае кто то кого то избегает видеть в плотную.

И здесь же помнится восторженность людей Парижа, приветствующих нового президента Франции. И все увидели эту разницу. Или это не оскорбление высокой персоны? Или это не пренебрежение людскими чувствами Я его не оскорблял ни взглядом. ни словом. Я смотрел на эту картину и у меня, естественно, возникали вопросы, что это за показательный проезд по совершенно пустынным улицам Москвы на инаугурацию в Кремль? Как это объяснить?

О господи, какая ты была спокойная, ничем не нарушаемая жизнь в достатке советского человека тогда, когда я был молод и кругом меня все были молоды и ничего большего не хотели, как бриолина себе на волосы, чистого бритья с горячим компрессом на лицо, футбольного боления на беснующихся трибунах и танцев с нестрогими девушками после непродолжительного знакомства. Как пахла жизнь и люди дождём, гвоздикой, пирожками с повидлом, ливером или горохом за 5 копеек! Нежная моя жизнь! Ты не говорила со мной строго и не поступала со мной строго, ты всегда подчёркивала, а я всегда соглашался с тобой, что у нас только деловые встречи происходят, вроде беседы клиента с адвокатом, оставалось только оговорить гарантии услуги и их стоимость. Глупышка жизнь, придумала какую то жизнь, где решила вести себя как королева, пусть на шахматной доске. Где кроме самой королевы, один король, охраняемый офицерами. Ладно, нет иных офицеров на шахматной доске, но нет и пешек, образующих ровное давление в ровном строю в защиту короля. Всё в защиту короля!

А вдуматься, люди, даже мои ровесники, послевоенные мальчишки и девочки, не в силах понять, что основной закон жизни людской не иначе как несправедливость. И где тут справед-

ливость, если всё в защиту короля, точно так, как когда то. Жизнь продолжается, а принципы всё те же. А против принципов я бессилен, Поэтому и живут они во мне, эти принципы. То есть я принципиален, потому и лоялен.

Но любовь к ближнему, оказалось, что простая выдумка людей, со ссылкой на Христа. Эта выдумка от бессилия человека что то изменить или просто обмануть. Так проще, говорить в пустоту, потому что если начать копаться в этой придумке человека, можно докопаться до другой мысли – человек один на земле и самый близкий, кажущийся другом, в других обстоятельствах оказывается врагом, а если врагом. то и распорядителем твоей судьбы и даже жизни. Враги, это всегда близкие тебе люди или хотелось бы тебе, что бы до ссоры они были близки и вдруг принялись завидовать тебе, что бы в результате враждовать.

Что за общество такое в путинской России! И удивительно, и страшно! Ведь никто не заметил, что А-321 первый террористический акт, направленный ИГИЛ¹ом на Россию. А сама Россия, словно стесняясь этого, не признаёт этого очевидного факта и ждёт якобы официального расследования, зная наперёд с самолётом произведён террористический акт, в результате которого погибло 224 российских гражданина по величине сравнимых с ночной бойней в Париже. То есть мы первые получили отлуп в ответ на бомбардировки в Сирии. И не хотим признаться в этом. Нам не жалко погибших наших граждан, как уже забыты нами погибшие в Донбассе и похороненные на кладбищах городов России. А кто гарантирует, пассажиры А 321 это не последние наши потери, которых нам не избежать, несмотря на все призывы соблюдать бдительность. Может быть мы настолько глупы, что не понимаем очевидной реальности или мы настолько же зомбированы неправдой? Если вероятность террористического акта 80%, то какова вероятность иных версий в случившемся (а их не одна).

Это моя первая запись в моём блоге.

Он действовал как Наполеон: Главное было ввязаться ему в драку на значительном расстоянии от собственных границ, надеясь на неуязвимость своих военно-космических сил и их боевую мощь. По хорошему бы сказать, что он не учёл, что россияне в немалом количестве отдыхают в Египте и летают туда самолётами и что теракт на высоте в пять тысяч метров производит впечатление куда большее, чем подобное преступление где-нибудь в метро или в скоплении людей в кафе, на митинге или в поезде. Даже взрывы в Буйнакске, Волгодонске и в Москве, произведённые якобы чеченскими террористами, не оставили столько боли в сердцах людей сколько этот. Но стоит обратить внимание и возмутиться отношением нашей власти к погибшим людям: ведь никто из властей Петербурга не пришёл встретить траурного кортежа из Египта с телами погибших. Это как назвать? Вот то-то. А сам то не прослезился даже, не перекрестился и не убоился личных невзгод, Иуда.

И ему всё сходит с рук. Саммит в Анталье явно для него не удался. Он то рассчитывал возвратиться в мир, откуда его попросили, ещё более влиятельным, хотя влияния у него было, если не считать, что его вовсе не было. С одной стороны газ для Европы, с другой атомная бомба для всего мира. Кроме того, сами россияне прощают ему всё и уже простили, давайте считать: Курск, кооператив «Озеро» с его членами, превратившимися в олигархов и самого себя лжеца и вора, разгул воровства, Олимпиада в Сочи, воровство при строительстве нового космодрома, затраты при подготовке чемпионата мира по футболу, затопление МКС, войны на Донбассе, в Сирии, аннексия Крыма. Заодно это нормальный народ за яйца подвесит. Но он на международном уровне превращается в игрока, тогда как только что был в ранге изгоя. Он допускает это так шутить над собой, что то похожее с рокировкой. Так что? Он снова равноценный игрок и принят капитаном России со своей командой кошмарить мир?». И самое

¹ Согласно решению Верховного суда РФ (Решение от 29 декабря 2014 Г. N АКПИ14—1424С), деятельность экстремистской организации «ИГИЛ» (Также ДАИШ или ИГ) запрещена на территории РФ.

страшное, на мой взгляд, сам народ России, во всяком случае значительная его часть, заражён этой его болезнью поиграть вместе с ним в какую-нибудь войнушку по его собственному выбору. Это уже не только его позор, это позор народа. Это он туда тащит народ, в этот позор.

Сейчас окончательно можно сказать, что Россия вступила в войну. может и не окончательно выбрав себе врага и не объявив войну кому-либо. ИГИЛ² считать государством в полном смысле этого слова, всё-таки, нельзя. Враг подразумевается и если случится, что такой объявится, то Путин и ухватится за этого врага и укажет россиянам: ату! его, ату! И россияне тут же встанут стеной за своего благодетеля. Но Путина не колышат эти россияне, он упорно достигает своей цели, называя её изменением миропорядка на Земле. Я опускаю бомбардировки, сбитый СУ, расстрелянный в воздухе катапультирующийся лётчик, самого злобного Путина. А что он хотел. Ведь это война! А в войне люди погибают. Или ты забыл свои слова про Донбасс. Я тебе напому: В войне люди погибают! И мирные граждане, и солдаты от рядового до маршала. от героя до самого трусливого труса. Все гибнут и массово, и поодиночке. Так куда ты ввязался, глупый Президент Российской Федерации? К тому же Верховный Главнокомандующий! Не приведёт тебя к добру стремление завладеть главенством в мировом порядке.

И Президент снова у нас здоровая личность. После того как безнадежно был болен. Настолько живуч что ли?

Читатель, надеюсь, разрешит мне цитировать себя своими блогowymi записями.

Когда Россия вступала в войну в Сирии, она ни о чём не думала, кроме о сохранении за своим императором Путиным достигнутого положения в мире и замыслов против Обамы. Казалось бы, сдался Обама ему. Оказывается, что сдался по каким то криминально бандитским правилам или благодаря мстительности за что то. Может за то, что тот превышал его ростом. Других превосходств Путин обнаружить не сможет, это данность. Просто свербит у него неприязнь к этому человеку, Президенту Соединённых Штатов Америки. И тратит себя и беснуется на весь мир. И, кажется, что вляпался надолго в болото говна. Но вот уже и третья мировая на подходе. А интриган в полном порядке. какие у него планы впереди? Кто знает? Как мне кажется, дальше Турции и Эрдогана сей час он ничем не обеспокоен. И если есть что в голове, то только сделать Турцию тихой и покладистой. Уверен даже больше, ничем его мозги не озабочены. Жаль, конечно. И долго это продлится зимнее обострение? Наверное долго, если судить по шабашу на телевидении. Кто их успокоит? неужели начало войны? Или напротив, общество не изменит своего выражения, оскала, если приглядеться, лица, такого воинственного.

Это новое в международной практике: начинать войну и воевать с далёкой, на другом конце земли, страной, далёкой от границ России. Путин сказал, а в ответ восторг и удивление от гениальности Президента. Как это назвать? А уж Эрдоган натерпелся от него пинков и подзатыльников. О помидорах турецких его воротит. Что помидоры, Эрдоган ещё не знает что его ждёт: видно кровью умоется турок. Противно слышать и видеть эту вакханалию!

Впрочем, Эрдоган неожиданно, буд то бы со слов Администрации Путина, извинился и так же неожиданно состоялось примирение двух властителей – оттоманской империи и четвёртого (христианского) Рима (славянского мира).

² Согласно решению Верховного суда РФ (Решение от 29 декабря 2014 г. N АКПИ14-1424С), деятельность экстремистской организации «ИГИЛ» (Также ДАИШ или ИГ) запрещена на территории РФ.

3

Это звонила дочь. Телефон жалобно пищал своими трелями не умолкая, словно звал на помощь тонущий человек, отплывший от берега в море где то возле Бердянска или Мариуполя и, обессилев среди бушующих серых волн Азовского моря, стал тонуть, не надеясь особо на чью то помощь.

Телефон пищал и тренькал, захлёбывался тишиной и безразличием. И в этой пустоте звуков был слышен только он, телефонный звонок из погибающего мира, слышимый только мной. Это звонила дочь.

Я осторожно взял трубку.

– Долго не берёшь трубку. Что случилось? – спросила дочь.

Я молчал. Если что то спросить или что то ответить, то в ответ получить те же огорчения и страхи, которые постигли и постигают дочь и всю её семью последний год, а то уже и два.

Но я отвечаю нейтральной глупостью:

– У меня всё в порядке, не беспокойся. Здоровье в порядке и даже давление нормализовалось и постоянно стабильное, и даже сахар в крови в норме. Всё хорошо, всё стабильно как положение в стране.

– Стабильно – значит ожидать очередного убийства? И кто – следующий?

– Следующих не угадаешь, следующим может быть всякий. Гадать не будем.

Мне всё кажется, что я излишне обращаюсь к истории, которая в наше время не только никому не интересна, более того, ею стараются напоказ пренебречь на весь крещённый мир и за его пределами. И от этого, уже от этого, душит какая то несправедливость, ядом разлившаяся по лесам, долинам и взгорьям. Но именно этот яд заставляет сдерживать дыхание и смахивать с глаз слёзы, пытаюсь рассмотреть туманное прошлое, а в нём – вереницы образов, предстающих нам как раз этой историей в лицах. И я с удовольствием всматриваюсь в эти лица из исторической памяти, но не знаю прав ли, когда заключаю в рамки их портреты в своём воображении.

Россию за Отечество родное никто не почитает, разве бессменный властитель России, иногда готовый в роли Премьера объявиться нам, наш лидер, наш инициатор всех наших побед, и, может быть, наш вождь, который очень любит Россию и не устаёт об этом говорить. Легко же ему трепаться об этом бездоказательно – кто спросит с него этих доказательств? Я это говорю вполне серьёзно, поскольку как я могу отказать в любви да ещё нашему властителю? Если, к тому же, он так и рвётся быть у неё в любовниках.

И сейчас наша Москва уже не грязная зачуханная нищенка в переходе, она вся светится под Новый год, сама как ёлка. Немного не так, как западные столицы, уступая им в чём то неуловимо. Но отлично выглядит. И непривычно свежо и красочно. Празднично. Такую Москву и полюбить не зазорно хоть кому. Поэтому мы и говорим, что любим нашу Россию – посмотрите на нашу Москву и увидите как мы любим Россию в лице нашей Москвы. А что творится с Россией за пределами Москвы – туда взор наш не направлен.

4

Крепкий мужчина средних лет в сопровождении молодого человека уверенно и важно шли, пересекая Манеж, направляясь курсом на Угловую Арсенальную башню Кремля, что бы по Кремлёвскому проезду, минуя Александровский сад по правому боку от себя, подняться к пропускному бюро у Никольской башни, получить пропуска и войти в Кремль и получить интервью у Президента.

Их интересовал вопрос о причинах роста цен на продовольствие при падении мировых цен на нефть и нефтепродукты в мире. Они спешили к 19 часам, к тому времени, когда все знали, что у Президента это самое свободное время, что бы ни говорили, когда он более всего и охотно любит поговорить с журналистами или телевизионщиками и даже допускает их до собственной персоны напоказ, уже обставленный антуражем своих привязанностей в быту.

Они, идущие двое под мокрым снегом, корреспонденты ИА РФ, недавно организованного печатноинформационного нового агентства, как дополнительного средства информации среди населения России – её граждан, так и во всём мире, встречу с Президентом получили в награду от своего Генерального директора за успешную работу в молодом агентстве.

Мужчина был крепок, белокож и круглолиц, похожий на Аркадия Гайдара овалом лица и улыбающимися светлыми глазами. Сопровождающий его совсем молодой человек напоминал Павку Корчагина в исполнении Владимира Конкина. Они направлялись к Президенту, что бы, имея задание, совпадающее с их интересовавшим вопросом: о причинах роста цен на продовольствие при падении мировых цен на нефть и нефтепродукты в мире и сами эту тему выдвинули и своему боссу, а через босса и Президенту. И всех тема заинтересовала. А может сделали вид, что тема всех интересует. А может это был просто театральный прокат возможностей агентства перед Президентом.

«А я наивно рассматривал себя способным пободаться с правоохранной системой, отстоять свою правоту и укорить власть в беззаконии. Но как я просчитался! Власть молчит... и выигрывает! Выигрывает молча! Без шума, никому ничего не объясняя!». – Так думал о своей журналистской судьбе корреспондент ИА РФ Разин Вячеслав Вячеславович, ещё молодой мужик, сорока лет, всю свою жизнь беспартийный и слышавший большим умником среди сослуживцев. – Что случилось, Вячеслав Вячеславович? – спросил молодой спутник, уловив что то тревожное в выражении лица своего наставника.

– Ничего. – спокойно ответил Вячеслав Вячеславович. – А вот почему вы, нервничаете, ведь взволнованны предстоящей встречей?

– Нисколько. – односложно ответил молодой человек. – Меня волнует лишь наша неподготовленность к интервью. Ведь человек то не простой.

– В смысле, что Президент?

– В смысле, что привередливый.

– И это не смертельно, не ужасно и нисколько не страшно. Мы чисто выбриты, пахнем не отвратительно, а даже вполне по-французски или во всяком случае чисто вымытыми человеческими телами, если от напряжения и вспотеет и белоснежные наши сорочки и наши носки не вывалят в нас недостойных президентских апартаментов. У нас в этом отношении всё в порядке, не волнуйся. Вот говорят, что он чуток своим обонянием к табаку и к алкоголю. Но мы же оба не курим и оба трезвые, как стёклышки. Так что мы вполне достойны посещения Президента за интервью по согласованию между его Администрацией и нашим Генеральным директором. Успокойся и не напрягайся. Мы устремлены и в устремлении подходим к Кремлю, где и восседает наш Президент. Он наша цель.

Пропускное бюро в Никольской башне оказалось закрытым – они опоздали. Пришлось идти до Спасской и они поспешили туда. Там всё обошлось и с разовыми пропусками в Кремль они вошли в самую сердцевину государства.

Президент их принимал в 14 корпусе, где у него так же есть кабинет, где он принимает посетителей попроще, вроде журналистов из только что созданного агентства, давая им своеобразный аванс для успешности, своеобразную раскрутку в форме материалов для чтения широкому кругу заинтересованных лиц от самого Президента.

В приёмной у Президента горело красное табло – в это время никто не может входить в кабинет. Табло ярко высвечивало: не входить. Скромно и понятно всякому.

– Сейчас Президент занят, но он скоро освободится и просил вас, господа, обождать. Вы знаете, господа, как занят Президент, как насыщен его рабочий день. Ведь он трудится не 8—9 часов, как простой служащий и даже не 12, а как минимум 14, а то и все 16. И это включая в большинстве случаев все субботы и воскресенья. Но он сейчас освободится и примет Вас для интервью. – Секретарь, ещё молодо выглядящий человек., усатый и худой, с лицом будто вырубленным неосторожно топором, указал на кресла у своего стола напротив. – Присаживайтесь, а я угощу вас чаем по – президентски.

Но тут раздался голос Президента на связи с секретарём:

– Саша, журналисты у вас в приёмной?

– Да, Владимир Владимирович. Они здесь. Им подождать?

– Нет. Отведи их в комнату отдыха, что рядом с конференц – залом. Я иду следом через пару минут.

– Хорошо Владимир Владимирович.

– Вы плохо учились в благословенные советские времена. – Сказал Владимир Владимирович. – И я с некоторым недоверием к вам рекомендую, всё-таки, на эту деликатную должность. Будьте внимательны и даже осторожны с людьми – они все сейчас находятся как бы не в себе и даже разобщены внутри себя. Вам предстоит сделать их всех правыми в одном: защищать режим любыми средствами. Вы поняли меня, полковник Коротенький? – - – Так точно! – преданно отрапортовал полковник. Не гаркнул во всё горло, а сказал поставленным голосом и сам удивился красоте своего голоса. Значит и смысл возвысится, а это важно, если сказать слово с высоким смыслом, то и сам он поверит мне всем сердцем. И запомнит на годы моего не скорого продвижения, без спешки, но уверенно. Я и сейчас уверенно веду дебаты на тэвэ и мне нет равных ни от «Единой России», ни от кого либо из простаков и он, судя по всему, знает об этом и, видимо, оценил. Одним словом, оценил.

Вячеслав Вячеславович отметил его не натуральный загар – да, хороший загар на первый взгляд, но зная о том, что этот седовласый болван подставлял себя не слабому солнцу где нибудь в Мытищах или в Переделкино и даже подставлял свою жопу, спину и рожу не раковым лучам в солярии, а просто получил этот загар за 5—10 минут в салоне красоты на Арбате, что бы понравится своим, только своим, мужчинам в партии или рекомендованным на сторону, буд то в аренду или в подарок его же партийцами. Надо сказать, что он имел некоторый успех у своих клиентов, без этого успеха ему бы никогда не добиться своей популярности в своём ограниченном коллективе и даже распространить себя на первую программу ТВ. Одним словом, загар был хорош, хотя многим непонятен его технологией получения. Не за этот ли загар этого человека отметили награждением именным огнестрельным оружием? Если это действительно так, то что это? – Возмущённо думал Вячеслав Вячеславович, направляясь на дебаты как кандидат в депутаты от партии «Парнас» на канале ТВЦ.

5

Вячеслав Вячеславович шёл и размышлял:

Куда ты, от меня денешься! И стоило так долго выёживаться на глазах у всего мира! ведь никто не поверит, что ты гуманист и добрый человек. Ты это сделал, когда наслаждался злобой Надежды к России, ты лелеял в ней эту злобу. И вот до чего ты довел человека да и всю Украину, ненавидеть Россию. То же самое и с твоей властью, уходи по добру, пока тебя не вынесут ещё не озверевшие люди. А Надежда Савченко уже приземлилась в Киеве, надо смотреть её встречу в киевском порту, если она состоится. Поздравляю Надю Савченко с героическим поведением в суде, весь украинский народ, наших российских доброжелателей с победой над мракобесием! Мы победим! Или Победа будет за нами! Ура!

То ли я один устал ждать его свержения, то ли мы все устали ждать его кончины. Но он жив, курилка, И дело его живёт в его грязных лапах. Удивительно живуч, это горе человек, это бедоносец, это всё в его пакостной жизни. Как он переживает неудачи и поражения! Просто удивительно! И ничто не может его сломить! Это сгусток мрази, не иначе. Вот только нутро его, уверен, как плесенью покрыла чернота из лжи, ненависти, корысти, словоблудия, жажды власти и кровавой мстительности и таких же кровавых придумок. И все его качества не стесняется, да что там, не боится скрывать от зрителей в этом театре абсурда. Он знает своих зрителей! Они всё ему готовы прощать, даже не замечать, он для них гениальный актёр. С мордочкой степного тушканчика в православном храме на святом Афоне. Нет, всё-таки, уйдёт в небытие. Не может не уйти, не может оставаться в кулисах спектакля, поскольку действие близится к финалу и этого, как думаю, он понять всё-таки должен. И к концу этого представления он уснёт где нибудь под пожарной лестницей. А артисты доиграют спектакль без его постановки, придумают другой финал.

Но иногда, когда был особо доволен собой, спрашивал в ту пустоту, которая осталась позади:

– Что увидел во мне Ельцин, что бы приблизить? Тот малиновый пиджак поверх белой водолазки? И тёмные очки? Что делало меня не отличимым от мафиози. Или скорее я был в этом одеянии мачо. И Ельцин меня высмотрел в шестёрках у Собчака во всё этом попугайском наряде? Ему ведь тоже нужно было заметное окружение. Неужели? Ах, какая тишина, какое молчание установилось испокон веков на этой земле. А сейчас всех нас разделяет тягота немоты – и не страшно, и не тревожно. И ничего не жалеет Вова Путин, юрист и разведчик, русский, окончивший юрфак Ленинградского университета, то ли ученик, то ли учитель самого Анатолия Собчака.

И в тяготах немоты оказались русские люди за что и возлюбил их господь и пока хранит их, как зеницу ока, покрывая невидимо своей дланью, что бы не узрели верующие скорби своей и печали от антихриста и не поверили бы, что антихрист царствует в родной земле. Пока хранит господь людей и землю. Пока.

Но! Пока ещё хранил господь Россию, Владимир Владимирович был занят другим. Его обнажённый актёрский нерв подсказывал ему, что надо торопиться, надо успеть сказать побольше, потому что сценический триумф может в любой момент кончиться. Устанет публика, например. Потухнет свет. Или антрепренёр этого авангардистского театра вдруг уснёт и не проснётся к финалу. Много всяких пакостей поджидает вдохновенного артиста. Пока все они преодолены неожиданным успехом игры на рояле в защиту амурских тигров. К примеру. Или беспримерным полётом в стае стерхов. А о разводе с женой народ разве забыл? Кто старое помянет тому глаз вон. И не будем старое помянуть. Старое и смешное.

Я давно говорил – у кого домики/счетики/, детишки на западе – это вражеские агенты, вредители, агенты влияния запада, предатели и враги России.

Ведь ничего не стоит завербовать такого через элементарный шантаж.

Пора присмотреться к Шувалову и Астахову. Астахов, помнится, был ведущим на телевидении, как, к примеру, В. Соловьёв и тот же Дмитрий Киселёв. Подождём от них скорого предательства. – Говорил на Манежной площади человек похожий на Владимира Конкина в роли Павки Корчагина и уже на завтра шедший вместе с Вячеславом Вячеславовичем на приём к Президенту за получением интервью. Вокруг собрались люди, зеваки и заинтересованные. Немного. Но достаточно, что бы заметить.

И тут кто то завёл песню со стихами уж очень знакомыми, не Рины ли Зелёной были эти стихи – может быть её. Пел довольно ещё крепкий человек лет шестидесяти, без голоса, но активно, растрёпанная его гитара, можно сказать, что не звучала совсем, когда человек ударял ладонью по трём сохранившимся струнам из шести.

Ехали, мы ехали в красном вагоне трамвая.

Собаку переехали – такая ошибочка вышла, что не могли её объехать стороной.

От испуга бледная, собака лает бедная – ведь больно же терпеть такое.

И вокруг все бледные и все рыдают бедные – навзрыд и слёзы льют дождём.

Так бы и рыдали люди в красном вагоне трамвая до самого утра следующего дня. Но! Вот чудо! Оказывается в вагоне трамвая красного цвета, что переехал нашу собаку ехал, усевшись в кресло рядом с вагоновожатым, незаметным пассажиром одетый во всё серенькое некий пассажир под названием ВВП. Он один не растерялся! И сказал сам себе: Но я рукою твёрдую беру иголок дюжину и пришиваю голову, жопу и хвост – туда, где нужно. И не ошибся! Я никогда не ошибаюсь, это исключено. Голову туда, где была жопа и хвост – что вы говорите! Да упаси вас боже! Я сделал всё правильно, как говорит наука анатомия. Так вот, я сделал всё по науке. И. Вот результат. Собака, оживая, встаёт из-под трамвая. Встаёт из-под трамвая и говорит: Мерси, я живая. И все в округе Садового кольца восторжествовали этой победе. Какое счастье! Какое счастье! Переехали собаку и тут же её оживили.

У Вячеслава Вячеславовича улыбку вызвало это совсем не странное пение человека похожего на Владимира Конкина в роли Павки Корчагина. И тут же зашептал ему в ухо такую же странную вещь, какую только что услышал из пения Павки Корчагина в исполнении Владимира Конкина. Вячеслав Вячеславович отстранился от шепчущего ему в ухо и увидел перед собой ещё одного из этих. Этот шептал: Вы не понимали меня, уважаемый Вячеслав Вячеславович сегодня. А зря. Ведь я сегодня подыгрывал Вам во всём. Вы просто не поверили мне. И были чересчур раздосадованы на меня. Но за что?

– Как за что? Разве мы с тобой, полковник, друзья или, не дай бог, соратники?

– Разве вы не знаете? Я соратник на договорной основе, разве вы не знаете или вам не сообщили подробности?

Вячеслав Вячеславович недоуменно стал рассматривать полковника, но тут же скривился от омерзения.

– Да ладно. Без твоей помощи обойдусь. У меня своих информаторов хватает. – Отмахнулся Вячеслав Вячеславович от полковника из ГРУ.

– Нет. нет. Послушайте меня, Вячеслав Вячеславович. Я вам должен быть прилежен. – Зашептал жарким шёпотом незнакомец, похожий на Павку Корчагина.

– Ты кто такой? Кому принадлежишь? Почему русским не владеешь?

– Я истинно русский, поверьте.

– Тогда почему «прилежен» вместо обязан или верен? Почему?

– Я, честно сказать, из зелёных. Да вы и сами знаете. Ведь встречались и не редко даже на этой площадке, в дебатах то есть.

– Так в чём твоя примазка ко мне? Чего тебе нужно от меня?

– Я хочу, что бы вы заметили меня, Вячеслав Вячеславович, и знали меня в будущем. Я ваш, вот в чём дело, когда в ваших глазах и мыслях я враг.

– Ты не много на себя возлагаешь, мой зелёный недруг? Ты шавка, просто и всего.

И полковник из ГРУ даже не обиделся на унижение, но не смог скрыть капли пота на загоревшем лице. Пришлось напрячься и сделать лицо бесстрастным в безразличии.

Даже плывая кролем или любимым брасом, опустив голову в воду и рассматривая на дне бассейна имитацию греческих амфор, Владимир Владимирович представлял Михаила Ходорковского спящим сладким сном на нарах перед внезапным своим освобождением.

Но Владимир Владимирович, даже он сам, представить себе не мог как быстро, почти мгновенно будет исполнен этот его Указ и тюремное начальство уже до официального распоряжения своего начальства из Главного управления разбудит узника и усадит в своём кабинете в ожидании освобождения. Тюрьма ещё спала, а тут подоспел нарочный из паспортного стола и привез заграничный паспорт. Михаил Борисович удивился:

– А почему нет гражданского паспорта?

– Зачем вам гражданский паспорт, если за вами прислан самолёт из Германии? – начальник лагеря ИК-7 был два дня на ногах, лично охраняя сидельца от всех возможных неприятностей. Был наготове освободить заключённого. – Сейчас за вами прибудет машина из Петрозаводска и вас доставят прямо к борту, что бы переправить в Германию, где вас ждут ваши хорошие друзья. Это они прислали за вами самолёт. Вы разве не знали?

Этого Михаил Борисович не знал. Какой самолёт? Какая Германия? И кто здесь бредит? Неужели не я?

Он то предполагал совсем другое: от подачи прошения на имя Президента пройдёт не мало времени, что бы Кремль принялся совершать какие то действия. Или задумается с чего начинать и чем закончить эту гуманную акцию. А всего вероятнее нужно было ждать провокаций, разлетающихся со страниц российской прессы и с экранов российского телевидения: Михаил Ходорковский признал свою вину по обвинению его в преступлении по делу ЮКОСа, подачей Президенту прошения о помиловании! Это нужно было пережить. А уж потом Кремль потихоньку будет шевелиться, ожидая от него полной капитуляции и даже отказа от предоставленного выезда за границу.

– Ну, нет, Владимир Владимирович. Я от предоставленной возможности выезда за границу не откажусь. Вы для меня опасны. А знаете почему? Потому, что я опасен для Вас ещё более. И Вы знаете об этом. Вы даже не рискнули ждать меня на поклон к Вам – я это предполагал, Вы хотели увидеть мой восторг от предоставленной свободы и благодарность за помилование?. Или нет? Так Вы правильно поступили, выдворив меня за двери России. В надежде, что я не постучусь более. Да, пока Вы у власти, я не постучусь обратно. Да Вы, Владимир Владимирович не дождётесь меня. Не успеете меня дождаться, как Вас лишат власти самого и, вероятнее всего, самого упекут в тюрьму. И едва ли вам избежать тюремного заключения. На смену мне. – Так рассуждал Михаил Борисович Ходорковский, сидя в кабинете у начальника лагеря в ожидании своего долгожданного и внезапного освобождения.

Президент закончил свой кроль. А потом брасс. Сегодня время не засекал – звать не хотел тренера на утреннюю тренировку. Всё утро думал о Ходорковском – какую пакость принесёт слух из-за кордона и чем будет тот, помилованный, полезен своим новым приятелям. А Владимир Владимирович решил позавтракать не заходя в гимнастический зал для утренней ган-

тельной гимнастики. Утренним бегом он пренебрегал и был для него скорее пыткой, чем удовольствием. И бегом он никогда не занимался, даже для здоровья.

На столе был сервирован завтрак из стакана апельсинового сока, ложки овсяной каши, творожной массы с изюмом и курагой, стакана молока и хорошей величины груши – дули, что созревают в Тавриде. После завтрака ему был нужен небольшой отдых, на полчаса. И уж потом он направился в кабинет, где каждый в своей папке ждали его отчеты за прошедший день от ФСБ, МВД, ГРУ.

Сегодня отчеты не впечатлили. Его никто не собирался убивать. Но он остался доволен собой в утреннем плавании и началом дня без тревог.

– Но ведь хотят! – кричал его голос изнутри, – Не собираются и не хотят – это большая разница, это две большие разницы, как говорят в Одессе.

И, тем не менее, на сегодня отменил все выезды и никуда не выезжал, изредка вспоминая, что сегодня обещал интервью каким то молодым журналистам из вновь созданного ИА РФ. И, конечно, памятуя, что самое беспечное время по статистике и по логике приносит самые большие неприятности. Это надо, это сложное время.

Не успели журналисты рассестись за маленьким круглым столиком из какого то, видимо, дорогого дерева в удобных и тоже мниатюрных креслицах, как появился он из незаметной двери в углу этой небольшой уютной комнаты, где Президент готовился непосредственно перед встречей с людьми по какому-либо поводу. И всё равно его появление было неожиданно и пугающе, словно из игры в прятки появился человек маленького роста, лысеющий и бледный, как медуза, но злобный и памятный – видно сразу. Но нет, это они представляли его таким.

Шторка на двери колыхнулась и из-за шторки появился он, Президент Российской Федерации. Как показалось Юре, был он роста ниже среднего. в аккуратном сером костюме, скрывающем неширокие плечи спортсмена – любителя свободным покроем пиджака. Его лицо казалось припухшим, как бы утомлённым лёгкой бессонницей и почему то влажным, а припухшие веки глаз и вовсе закрывали небольшие светлые не глаза, а незаметные на лице глазки. Президент сразу же спросил, поинтересовавшись:

– Во первых, добрый вечер, господа! Как ваше здоровье? Как настроение и всё ли хорошо в вашей жизни?

Господа вскочили, нарушив свой уют в креслах и в разноречивой ответили:

– Добрый вечер, Владимир Владимирович! У нас всё хорошо! Не стоит беспокоиться.

– Свою беседу мы поведём за чаем или за кофе? Что подать Вам?

Нашёлся что ответить Игорь Дмитриевич:

– Мы приобщимся к Президенту, Владимир Владимирович, что бы быть вместе с ним и как бы в одной компании.

– Если так, то – чай. А вы считайте себя присоединившимися или примкнувшими. Согласны на такой вариант?

– По поводу чаепития – с удовольствием!

– Так присаживайтесь и начнём нашу беседу.

– Но сначала, Владимир Владимирович, позвольте поинтересоваться вашим здоровьем. – Сказал Игорь Дмитриевич с улыбкой. – Извините, но так принято в обществе – интересоваться здоровьем и желать здоровья собеседнику. И доброе лицо Игоря Дмитриевича озарилось.

– А я отвечу анекдотичной короткой фразой: Не дождёсь. Итак, я слушаю ваши вопросы. А здоровье в порядке, если вам интересно знать об этом.

Президент неожиданно икнул и затем подавил в себе движение в поджелудочной железе, достал из кармана платочек и вытер губы, потом промакнул влажный лоб. Тут вошла женщина, внесла поднос с чашками чая и на крошечных блюдах крошечные кусочки пирожных. Спасибо – сказал Президент. Не забыли поблагодарить и наши журналисты, даже поторопились.

Беседа уже должна была начаться, но застоялась по непонятной причине. Тогда Президент проявил инициативу, видя неопытность собеседников:

– Меня всегда удивляли советские журналисты, те, давние, такие как Жуков, Цветов, Стуруа и многие другие. Вы, возможно, и не слыхивали о них. Их было много, известных всему миру, матеровитых и славных работой за рубежом. Но все они писали о популистских наклонностях наших тогдашних руководителей. Я о таких случаях популизма знаю несколько. Последнее, пожалуй, со стороны Горбачёва. Я расскажу вам об одном. Позвольте. Михаил Сергеевич известный демократ и популист высшего класса, а значит болтовни в нём было более, чем достаточно. Приезжает он в Хабаровск, а местные власти подложили ему свинью – объявили его встречу с жителями города на городских улицах, как бы случайно. Он то же прекрасно знал как всё это делается Ну и согласился, заранее предвидя эту встречу и уже заранее зная, как ему выйти из неудобного положения – как ему пожать руки разгневанным горожанам?

И вот едет Михаил Сергеевич по улицам города, осматривает достопримечательности, а навстречу толпа людей.

– Здравствуйте, Михаил Сергеевич!

– Здравствуйте, товарищи! – А сам близко не подходит, смотрит недоуменно. Наконец произносит: Что вы мне хотите сказать? Может жалобы, пожелания, предложения? Я вас слушаю. Поделитесь со мной как вы живёте.

А люди все хором:

– Хорошо живём! Спасибо!

Но Михаил Сергеевич уже весь в своей роли:

– Но ничего. Потерпите ещё немного. Партия и Правительство принимает все меры по исправлению ситуации с продовольствием в стране. Вам нужно ещё подождать и положение в стране коренным образом изменится.

В ответ – восторг людей. И под этот восторг Михаил Сергеевич сел в машину, И его сопровождали аплодисменты и восторженные выкрики

и здравицы в честь КПСС. Так Михаил Сергеевич утёр нос местным недоброжелателям во власти. Но что он сказал людям? Ни —че -го.

Это рассказанный мной сюжет – лишь маленький штрих к необычайной способности Горбачёва ориентироваться в нештатной ситуации, манипулировать чувствами толпы и воздействовать на общественное мнение. Так о чём мы будем говорить?

Игорь Дмитриевич отхлебнул из чашки и осторожно поставил чашку на блюдце.

– Очень вкусный чай.

– На травах. – со знанием дела сказал Президент.

– На каких, вам об этом говорят?

– Я особо то и не интересуюсь, доверяю, что плохим не напоят.

– А что вы это попиваете из деревянного стаканчика? Уж точно не чай?

– Нет, чай. Кстати, тот же чай. Только из термоса – этот деревянный термос сохраняет чай тёплым, можете попробовать.

Игорь Дмитриевич предложение Президента оставил не услышанным и сказал: Давайте перейдём к беседе по существу. Вот мой первый вопрос: Как ваши спортивные успехи, если здоровье в общем то в полном порядке?

А Президент не настаивал отвеждать чай журналисту из деревянного стаканчика.

– Спортивные успехи? Да, я слежу и за своими спортивными успехами. Например, я укладываюсь в спортивный норматив по плаванию.

– И у вас есть друзья в бассейне?

– Нет, друзей по бассейну я не завожу, да они в бассейне и не нужны.

– А кто же ваши друзья по жизни? Это всё те же друзья по кооперативу «Озеро»? Крепко спаянная восьмёрка – первые люди в российскую элиту?

– Что вы такое говорите! Мне вовсе непонятное! Люди из кооперативного возраста давно вышли, у них масштабы несравненно шире. Мы сейчас с ними просто в тёплых доверительных отношениях. – Давно подмечено, Владимир Владимирович, что друзья Путина необыкновенно удачливые люди. Как это может быть, что бы удельный вес удачливости и успеха в стране был на стороне образовавшегося клана – клана Путина? За столь короткое время эти люди, сплошь друзья Путина, преуспели во всём, за что бы ни взялись? Это вы позволяете им быть такими успешными?

– Не позволяю, я в их жизни вообще не участвую. Лучше сказать, я им не мешаю быть удачливыми в бизнесе и счастливыми в жизни.

– Им повезло.

– Может быть. Но не более.

– Как и ребятам из «Уралвагонзавода»?

– Как и ребятам из «Уралвагонзавода».

– Как и Холманских Игорю Рюриковичу?

– Как и Холманских Игорю Рюриковичу.

– Но вот не повезло Ходорковскому.

Владимир Владимирович моментально удивился лицом. Выпучил глазки и губы вытянул в трубочку, повёл зябко плечами и затянул с ответом. Потом вытянул из себя вопрос:

– Не повезло?

– А как? – Игорь Дмитриевич пожал плечами. – А как вы думаете?

– Он помилован!

– Отсидев десяток лет. Или около.

– По решению суда! Замечу.

– Хорошо. Суд его осудил, а вы его помиловали. Тогда почему Президент его помиловал?

Вы его уже не боитесь?

– Я никогда его не боялся и сейчас не боюсь, тем более.

– А он вас?

– А я и не хочу, что бы он меня боялся. Я не хочу, что бы кто то меня боялся вообще. Я не собираюсь его преследовать, я его помиловал

– Тогда повторю свой вопрос: почему Президент готовый помиловать Михаила Ходорковского с одним условием – получить от него прошение о помиловании, всё-таки, не миловал осуждённого без его ходатайства о помиловании. Разве это было обязательным в процедуре помилования? Вы хотели видеть унижение Ходорковского? И вы ждали выражение благодарности от Михаила за помилование в какой либо форме?

– Нет, совсем не ждал от Ходорковского никакой благодарности – я знал кого касается этот акт о помиловании. А то, что не миловал его без прошения, то это моё право, как Президента, миловать или не миловать.

А сейчас давайте отдохнём немного – сидим целый час и уже устали друг от друга.

– Нет, Владимир Владимирович, мы не устали. Но не против передохнуть вместе.

Тогда Владимир Владимирович встал и повесил пиджак на спинку кресла, потянулся и устало выдохнул.

– Меня удивляет такой интерес к Ходорковскому? Откуда это? – сказал как бы себе Президент, не ожидая ответа от присутствующих.

Игорь Дмитриевич молчал, ожидая продолжения. Юра следовал примеру старшего товарища, ему хорошо было молчать и он молчал.

– Откуда такое участие к человеку, не к коммунисту – в этом случае было бы понятно – десятилетия дышали коммунизмом. Выходило бы, что не надышались. Но понятно, сам то он на дух не выносит коммунистов.

– Он находит режим не коммунистическим. – Сказал Игорь Дмитриевич слабым голосом.

– Вот действительно! Нам уже не хватает собственных марксистов.

Так что ли? – Сказал Владимир Владимирович, словно разгадывая тайну Ходорковского. – Что бы вершить очередную революцию! А где они их возьмут, если естественным способом последние доживают свой век и до конца своих дней остаются проповедниками марксизма и в отличие от большевиков знакомы только по книгам со своей теорией.

– Нет, Владимир Владимирович, Ходорковский и рядом с марксистской теорией не стоит. Вы взгляните в него, в этого смелого и стойкого человека, что им доказано безоговорочно, – он теорий никаких не выдвигает и говорит только об одном, называя режим словом путинский. Путинский режим, вот и всё. Так оно и есть И предрекает ему крах – с пролитием крови, поскольку наш режим демократическим путём к смене не приспособлен.

– Так что по вашему. Он уникальная личность? – зло спросил Президент. – Он уникальная личность? – снова повторил Президент и не услышав ответа повторил ещё раз: Он уникальная личность? Неожиданно Президент, казалось, рассвирепел. Но через мгновение, через долю мгновения он неожиданно улыбнулся.

Игорь Дмитриевич не смело посмотрел в глаза Президенту: Наше мнение здесь, Владимир Владимирович, излишне.

– Хорошо. Я согласен с этим. Поясняю, что ваше мнение излишне для меня. – И улыбка оставалась на лице. Но было понятно, что это могло повториться. – Но вы сказали, что режим моего имени рухнет с пролитием крови? Как это?

– Это сказал не я, это предрекает Ходорковский – с малым количеством крови или с большим – он не уточнил, потому что сам не знает.

– Не знает, а говорит. Странно! И пусть говорит, ему никто не поверит. Он преступник, который помилован Президентом, вы можете это понять? – задыхаясь, Владимир Владимирович замолчал и не пытался продолжить ответ. – Да что же это такое! – Слабо взмутился он в сторону и наклонив голову. – Почему такое непонимание? Ведь я Президент! Какая кровь на мне? Откуда всё это берётся? Давайте прервёмся и успокоимся.

6

Вячеслав Вячеславович в тяжёлых раздумьях шёл на встречу со своим старым другом юности, остановившимся в гостиничном комплексе «Алтай», «Заря», «Восток» неподалёку от Петровско-Разумовского рынка. Сегодня 19 сентября и уже сегодня телевидение, как и следовало ожидать, взялось за своё: «Титаник плывёт своим курсом во главе со своим капитаном»; «А этот бородатый из Парнаса где то за кормой тонет в морской пучине и никто не слышит его слов о необходимости импичмента президенту и никто не спешит ему на помощь, этому бородатому из Саратова»; «И нечего рассматривать начищенные пуговицы и звезду на кителе нашего капитана, лучше оцените его участие в победе – как он ведёт наш Титаник по волнам волнующегося моря». И так далее и тому подобное.

Встреча и интервью с Президентом продолжались как то без тепла со стороны интервьюируемого и вообще без особой заинтересованности с его стороны. Просто провести время в бездельи и насмешках над малоопытностью своих гостей.

Юра, запиши вопрос на завтра: Обращение Президента к Совету Федерации за вводом российских войск за пределы России и не использование Президентом этого разрешения – как это?

Юра согласно кивнул – уже записал.

Они не разъехались по домам. Что бы обсудить сегодняшний день и подготовиться к продолжению сегодняшней встречи с Президентом, они поселились в гостинице «Москва» в номере подешевле. Утомлённый и возбуждённый Юра уснул как убитый, а Вячеслав Вячеславович поздно уснул и рано проснулся. Не ждал ничего хорошего от продолжения разговора с Президентом.

Вячеслав Вячеславович, проснувшись, долго лежал без сил, без мыслей, прислушивался к неслышным утренним звукам за окном, к осторожному похрапыванию Юры на соседней кровати. Кто то плескался в ванной в соседнем номере и бормотала спущенная в уборной вода. Гостиница просыпалась и стало слышно звяканье посуды в буфете. Что бы разбудить не проснувшийся мир в себе, Вячеслав Вячеславович включил телевизор и в комнату вплыл абсурдный мир, которому он надоел, а мир надоел ему. Мы с этим миром живём, успокаивал себя Вячеслав Вячеславович постоянно, как только впадал в некое уныние от происходящего. И он заставлял себя говорить с этим человеком наедине и в мыслях:

– Для того, что бы окончательно утвердиться во власти после ухода Бориса Николаевича, вам, Владимир Владимирович, нужна была дополнительная легализация своей власти, которая была для элиты неожиданной, но пусть и предсказуемой, хотя и странной, о чём говорят первые ваши акты об объявлении неприкосновенности Ельцину о недопустимости его привлечения к уголовной или административной ответственности. Это был первый ваш ход, объясняющий всё разом: Вы пришли к власти путём преступного сговора. Значит, вы не легитимен во все времена вашего правления. Отсюда мы и начнём в упор рассматривать вашу деятельность, не забывая о том, что у вас было в Санкт – Петербурге в бытность близости с мэром Собчаком.

Этим Вячеслав Вячеславович снимал с себя напряжение, когда мысль касалась президента.

А Президент, тем временем, успокоился не сразу. Юра сидел с побитым видом и не мог пошевелиться, не то что бы сказать что то вроде извинения и покинуть позор. Да и Вячеслав Вячеславович был в чём то посрамлён. Наверное превосходством Президента во всём, за что он примется. Никто не мог ему в чём либо возразить. А уж тем более журналисты только что созданного агентства.

Казалось, что Президент вот-вот покинет журналистов и отправится играть в теннис по старой памяти предшественника. Но он не сделал этого, наверное потому, что был бы чересчур откровенен в своих симпатиях. И он сдержал себя в этой выходке.

Теннис – новое массовое, пожалуй, увлечение высшего класса России, который видит в этом спорте своеобразную визитную карточку политического деятеля современного стиля или крупного бизнесмена. Как говорят все эти люди, теннис исключает даже просто спортивную злость и освобождает от угрозы даже случайного оскорбления противника. Теннис прекрасная игра и небывалый авторитет этого вида спорта в России можно объяснить в определённой степени в первую очередь пристрастием к нему Президента Буша и следом за ним Президента Ельцина. Но ни о какой визитной карточке ни политика, ни бизнесмена – во всяком случае в России речи не идёт, а речь идёт лишь о том, что теннис – прекрасный вид спорта и Россия знает о нём со времён Николая Озерова. Это в плотную. Но и до Николая Озерова слышали о теннисе. Тут и спорить не о чём. И ни Ельцин, и ни Буш внедрили игру в народ, а вот что этот Николай Озеров, сам теннисист, артист МХАТа и футбольный комментатор активно пропагандировал этот спорт, то сам Вячеслав Вячеславович неоднократно слышал о нём, и о теннисе В те же самые времена ждали, что и городки к нам придут, Но наоборот, чуть раздутый интерес к народной игре Льва Толстого потух и никак не поддерживается государством.

Закончив окончательно гневаться, Владимир Владимирович спросил так, словно и не было между ними разногласий до посинения:

– Вы захватили с собой плавки? Могли бы поплавать со мной в бассейне.

– А у вас что, бассейн с подогревом? – неожиданно даже для себя выпалил Вячеслав Вячеславович. И тут же понял, что эта выходка из пустых слов ни к чему. Владимиру Владимировичу это показалось нахальством высшей степени. Но он сдержал себя в достойном молчании. Но ведь расслышал же неуважительные слова. Но промолчал. Президенту, видимо, одному не хотелось купаться, а на Вячеслава Вячеславовича без плавков надежды не было – не должен же он прыгнуть в воду в семейных трусах, а может просто это были президентские фокусы, маленькие издёвки?

Но он после слов Вячеслава Вячеславовича остолбенел от изумления. Разве можно было ему ожидать в этот вечер, что случится с ним какая то неприятность от отечественного журналиста, не от иностранного. Но слишком наивная откровенность Вячеслава Вячеславовича и что то вроде шутки в его словах изумили Президента до нервной крайности. Значит этот журналюга безотлагательно готов был ждать момента, что бы высказать кучу всяких неприятностей прямо в глаза. Посмотрим, куда он направит свои мысли, что он хочет ещё спросить меня – подумал Президент и спросил:

– Продолжим? – и уселся готовый к дальнейшему разговору, победно улыбаясь.

– Продолжим, Владимир Владимирович, – сказал спокойно Вячеслав Вячеславович.

– Итак. Предположения к ответственности не только за деяния во время исполнения обязанностей Президента России, но и за последующие его возможные преступления. Такой характер носил ваш первый указ. И второй ваш акт – это законопроект «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи». Указ и принятый Федеральным Собранием закон проливает свет на многие стороны вашей личности, Владимир Владимирович. Что вы скажете на это?

– Меня до сих об этих моих первых президентских актах ещё никто не спрашивал – вы первые. Я считал, что для всех они были понятны. Это первое, что я хочу сказать. И второе. Ельцин был популярен в ту пору. И это надо было мне понимать.

Вячеслав Вячеславович вмешался в слова Президента: Нет, Владимир Владимирович, его рейтинг был в тот момент почти нулевым.

– Я то лучше это знаю. – Президент, удивлённо прервавшись, скептически улыбнулся в лицо журналиста. – У него было много недоброжелателей, но и рейтинг был высок. Очень высок. И только после того, как Ельцин вступился за Сербию, тогда раздались вопли похожие на свист оголтелых. Но это меня не остановило и я написал законопроект о гарантиях Президенту, который был принят Советом Федерации и одобрен большинством членами Совета.

– Кроме коммунистов.

– Да, кроме коммунистов. И что?

– Разве эти два президентских акта не явились для вас безнравственными, когда падение уровня жизни достигло критического состояния. Ведь именно тогда Государственная Дума предприняла попытку отрешения Ельцина от власти, а вы спасали его и его семью от позора и давали возможность жить вдали от проблем. Этим воспользовались все в окружении Ельцина, не только семья, но и весь клан. Разве трудно увидеть во всём этом цинизме, как в России действует чистилище для претендентов на власть.

– Как? Ну ка скажите!

– Очень цинично! Помнится, что у Дворковца зародилось что то государственное в ходе всех объявленных реформ двух Президентов, вас и Медведева, что то о смене элит он сказал, правда во всеуслышание его особо никто не поддержал – как это элиты менять, когда они не меняются ни приказом, ни указами. Как это: Ввести в состав элиты России следующих членов партии «Единая Россия»: (далее по списку)? Но именно так и сказал молодой наш и многообещающий, всё чаще и чаще светящийся на экране телевизора, политик, Не он ли готов войти в официальную власть хоть в составе триумvirата, хоть в составе пентархии? А с ним наготове и Рогозин? Любую форму власти поддержат не оппозиционеры, поддержат сами властители. И я не сомневаюсь, что в Истории России такое может случиться. Так будем готовы, граждане, будем готовы, к смене элит. Как вы это прокомментируете, Владимир Владимирович? Как Вы относитесь к такой форме правления?

– Я подготовлю свой ответ, – неожиданно ответил Президент после долгого раздумья. – И завтра при новой встрече я обстоятельно отвечу. Хорошо?

Но само собой подумалось Президенту: Кто это такой? Надо гнать! Не иначе. Пока надо гнать. А там посмотрим.

Но! Пока хранит господь Россию, Владимир Владимирович занят другим. Его обнажённый актёрский нерв подсказывал ему, что надо торопиться, надо успеть сказать побольше, потому что сценический триумф может в любой момент кончиться. Устанет публика, например. Потухнет свет. Или антрепренёр этого авангардистского театра вдруг уснёт и не проснётся к финалу. Много всяких пакостей поджидает вдохновенного артиста. Пока все они, собравшиеся вокруг, переполнены неожиданным успехом игры на рояле в защиту амурских тигров. К примеру. Или беспримерным полётом в стае стерхов. А о разводе с женой народ разве забыл? Кто старое помянет тому глаз вон. И не будем старое поминать. Старое и смешное.

И тогда Вячеслав Вячеславович сказал тихонько почти неслышным шёпотом:

Юра, запиши вопрос на завтра.

Счастливая своей опрятностью и свежестью лица дикторша сообщала поставленным голосом новости из Украины и Крыма, потом об открытии в Москве клуба предпринимателей – миллионеров, потом об ивановской ткачихе соткавшей миллион метров хорошенького ситца, потом о демонстрациях в Польше и Германии, потом об отрядах самообороны в Донбассе и об их желании, что бы их убили безоружными.

Хорошенькое дело! Что тут скажешь? Неужели кто то действительно ждёт, что бы людей убивали безоружными? Тогда кто тот поп Гапон? Кто? И все молчат. А ведь есть тот поп Гапон, есть!

А мир то не спал – не дремал, бурлил своей жизнью больного кишечника и не знал сердечного томления за други своя, только сотрясает его вонь и грохот метеоризма. И люди то ли напоказ, то ли взаправду готовы умереть безоружными. А с другого близкого берега, совсем рядом, из России на них смотрят как на подопытных: посмотрим что будет? И уже они не братья, а только что были братьями. И уже сухо говорится говорливыми дикторами и дикторшами и всё теми же политологами, снова высунувшими свои головёнки из укрытий, трое в Славянске убиты из числа мирных жителей. Ай! яй – яй! Да как же это можно убивать безоружных! Да пропадите вы все пропадом с этой земли! Мы останемся в двоём в абсолютной тиши здесь, сколько же можно насиловать эту землю и эти головы из века в век! Мы останемся в двоём со другом, только не бурлите, не убивайте, и не грозите убивать. Уйдите из нашей жизни. Оставьте нас в покое.

Юный друг Юра лежал и молчал, буд то вспоминал его голос, хотя знал, что голос Владимира Владимировича ему запомнится навсегда. Ведь он ему понадобится, что бы преодолеть подступивший к горлу счастливый ком волнения мстителя в споре на самом высшем уровне на площади Ленина в Донецке при необъятном скоплении народа. Так ему думалось.

– Почему Путин просит у Совета Федерации разрешения ввода вооружённых сил за пределами Российской Федерации? – задаёт неожиданно вопрос Юра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.